УДК 811.11-112

Н.К. Данилова
(Россия, Самара)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ПОВЕСТВОВАНИЯ

В статье рассматриваются языковые процессы, определяющие «прагматический модус» использования языка в повествовательном дискурсе (акте рассказывания). В фокусе исследования находится функционирование языковых средств с прагматическим потенциалом (прагматических универсалий») в матричной структуре, служащей основой конструирования альтернативной концептуальной схемы повествования.

Ключевые слова: *повествовательный дискурс, прагматические универсалии, прагматическая матрица, альтернативная концептуальная схема, немецкий язык.*

Современное языкознание сталкивается с целым рядом вызовов, которые требуют изменения методик анализа и определенной корректировки методологических принципов, определяющих направление предпринимаемого исследования Преобладание в современных научных концепциях идей, связанных уже не столько с отдельными языковыми фактами или процессами, но и с производством и восприятием текстов (интерпретируемыми когнитивной прагматикой как целостное коммуникативное событие или дискурс), отражает интерес языкознания к деятельностному аспекту языковых процессов.

Основной целью практической языковой деятельности индивидуумов, согласно положениям современной процессуально-деятельностной парадигмы науки о языке, является использование языка в ходе формирования и трансляции опыта, сформированного в социальной коммуникации. Язык становится языком, замечает Витгенштейн, только в том случае, если представляет собой actus exersitus, совпадая с явлением сказанного и самоустраняясь при этом. Заданность языком возможных границ мышления, воля языка придает ему значимость философского предмета, где происходит встреча науки и опыта человеческой жизни, «язык просто участвует в беседах, которые ведут с нами вещи» [Витгенштейн 1985: 90].

В современной лингвистической перспективе языковая деятельность индивидов получает определение как деятельность постижения, поиска целостного представления о мире, в результате которой

формируются определенные образцы поведения, «матрицы», способные служить алгоритмами, обеспечивающими возможность создавать речевые продукты. Каждой дискурсивной практике соответствует своя «матрица», строение которой определено социальной ситуацией вербальной интеракции.

В литературной коммуникации пространством «матрицы» становится повествовательный дискурс, или акт рассказывания, в котором в качестве нормативной «ячейки» выступает субъект высказывания, а в качестве основного коррелятивного класса переменных используется эгоцентрический местоименный субъект Я (центральное звено системы ориентации субъекта, ORIGO, включающей пространственное «здесь» и временное указание «сейчас»). Субъект высказывания как нормативная ячейка для функции служит взаимному переходу «дискурса в текст» и «текста в дискурс».

Когнитивная прагматика видит истоки дискурсивного смысла в выборе и аранжировке концептов (ситуационных моделей), существующих в личном опыте коммуникантов. В процессе практического использования языка (дискурсии) участвуют и взаимодействуют следующие системы, внешний контекст, схематизации человеческого опыта (фреймы, сценарии и пр.), языковая репрезентация дискурса (база текста и его поверхностная структура). Контекст содержат информацию о времени, месте и способе получения данных об определенной ситуации. Базовые ментальные структуры, свойственные человеческой памяти, (фреймы) представляют собой интегрированную информационную структуру. Использование сценариев как абстрактных наборов пропозиций, организованных в последовательности, определяет возможность заполнения узлов схем конкретной информацией. Языковая репрезентация выступает как часть контекстной модели, а контекстная модель находится в систематических отношениях с конструируемой частной ситуационной моделью, на основе которой выстраивается альтернативная концептуальная схема речевого продукта.

Движение мысли от абстрагированных сценариев к единичным моделям предполагает существование еще одного необходимого промежуточного этапа, личностной ситуационной модели, организовывающей повседневный опыт индивида [Дейк 2000: 89-90]. Обобщенная ситуационная модель и индивидуальное представление о ситуации сопоставляются и идентифицируются в дискурсивном пространстве, а сам этот процесс идентификации становится содержанием процесса порождения смысла в процедуре его понимания. Языковые репрезентации рассматривается в когнитивной прагматике как системное ядро дискурса в качестве коммуникативного события.

Многоуровневость дискурсивного строения вызывает необходи-

мость определить рамки исследования и постановку проблемы, решая, идет ли речь о комплексном количественном и грамматическом анализе или в центре внимания предпочтение должно быть отдано качественному анализу использования языковых средств в процессе коммуникативной деятельности участников общения. Собственный исследовательский интерес заставляет нас отдать предпочтение второму направлению. Существенной особенностью предлагаемого подхода является понимание коммуникативного устройства акта рассказывания (повествовательного дискурса) как многоуровневого процесса, в котором действуют правила выбора и цели, являющиеся необходимым условием порождения смысла в процессе повествования.

Позиция, которую мы представляем в дальнейшем изложении, может быть сформулирована в самом общем виде следующим образом: повествовательный дискурс следует в своем развертывании системному принципу, определяющему отношения детерминации между языковым и коммуникативным поведением индивидуумов и находящему проявление в определенных «регулярностях», которыми характеризуется использование языковых знаков в повествовательном процессе.

Обратимся к конкретному примеру с целью конкретизации представлений о том, как взаимодействуют названные выше факторы. Рассказ Й. Рота «Eine Laune der Natur» открывается высказыванием, служащие актуализации концепта «купе» как части сложного концепта (фрейма) «поездка на поезде»:

Eine halbe Minute vor dem Abgang des Zuges sprang er ins Coupe. ein großkariertes Plaid über dem Arm“ (Roth. S.98).

Общий сценарий поведения пассажиров в данном случае предполагает определенные формы общения попутчиков во время путешествия, что полностью исключается из развития сюжета в рассказе Й. Рота. Эффектное появление попутчика создает очевидную социальную дистанцию между пассажирами, не допускающую возможности их диалога, о чем свидетельствует и сдержанное поведение нового попутчика:

„Eine halbe Minute später sah er mich an, mit seinen lächelnden hellen Augen und ließ ein einziges Wort ertönen. Es lautete „Gestatten?“ und ersetzte einen ganzen Satz. (Roth S.100).

Отказываясь от стандартного представления ситуации общения, автор конструирует альтернативную версию субфрейма «встреча в купе», последовательно выстраивая схему не коммуникативного, а намеренно актуализированного познавательного акта.

Оба персонажа рассказа Й. Рота, рассказчик и вновь прибывший пассажир с самого начала наделены автором разными личностными

статусами, в то время как рассказчик существует в системе координат ORIGO, попутчик получает обозначение с помощью местоимения er как «не-лицо» (местоимение 3-го лица исключено Э. Бенвенистом из класса лиц ich и du) [Бенвенист 1998: 289]. Нейтрализация коммуникативной роли рассказчика отводит рассказчику единственно возможную роль наблюдателя, призванного выстроить последовательную цепь рассуждений относительно наблюдаемого персонажа (собственный дискурс).

Особенностью дальнейшего способа выстраивания событий становится их детализация, свидетельствующая о выборе альтернативной версии выбранной схемы, реализации которой служит прагматическая матрица изложения, организованная эгоцентрическом знаком субъекта ORIGO. Личное местоимение ich вводит двуслойную перспективу субъекта речи и субъекта восприятия, оформлению которой служит перцептивный модус представления денотативной ситуации, получающий реализацию через сеть предикаций и лексических конструкций с сенсорно-перцептивной семантикой. Актуальность происходящего выделена сетью временных идентификаторов, очерчивающих границы перцептивного поля, принадлежащего личности рассказчика. Перспектива субъекта восприятия организована, кроме системы координат, серией временных спецификаторов, актуализирующих временные характеристики и состояние ситуации (непосредственность и моментальность ее преображения):

„Im Nu veränderte sich die Welt, das heißt das Abteil. Bis zum Eintritt des Fremden war es nur ein Eisenbahnabteil gewesen, erster Klasse vielleicht, aber ein Eisenbahnabteil. In dem Augenblick, in dem der Fremde einstieg, begann es sich selbst zu übertreffen. ..Als aber mein Reisegenosse sich setzte, begann sein Glanz auf mich überzuströmen, und ich adelte mich in seiner Vornehmheit“ (Roth, S.99).

В процессе актуализации когнитивной перспективы изложения проявляет себя особое свойство местоимения Я, отмеченное В. фон Гумбольдтом: в местоимениях, восходящих, по его предположению, к отношениям пространства или восприятия, лицо «Я» находится во внешней связи с пространством и внутренней с восприятием [Гумбольдт 2000: 114].

Предикат с сенсорно-перцептивной семантикой überströmen открывает описание серии тактильных ощущений, сопровождающих восприятие чувственного образа попутчика (riechen. entströmen, den Duft erzeugen usw).

Ein herbsüßer Geruch von einem fremden Haarwasser entströmte seinem Haupt, so unermüdlich, in immer neuen Duftwellen, dass ich zur

Überzeugung kam, sein Gehirn erzeugte selbst den Duft... (Roth, S.99).

В фокусе перцептивного поля рассказчика оказываются гармоничность и согласованность деталей внешнего облика попутчика и его вещей, достигаемые единством цвета и их соположением в пространстве:

Oben im Netz leuchtete gelb der Koffer…Über die linke Brusttasche hing ein charmanter Zipfel eines verwöhnten Taschentuchs…Auf dem Boden schienen die gelben Schuhe Geschwister des Koffers über dem Kopf zu sein. Seine seidenen Strümpfe füllten die Pause zwischen dem Halbschuh und der emporgezogenen Hose, im Westenausschnitt blühte der Knoten einer dunkelgrünen Krawatte wie eine köstliche, im Wintergarten gezüchtete Knospe" (Roth, S.99).

Создаваемая таким образом сеть референций организует целостность восприятия облика персонажа, поражающего воображение своей рафинированностью. Визуальный образ завершает описание черт лица попутчика, дополняющее характеристику его безупречного стиля:

„Darüber ruhte hart, breit, aber mit einem versöhnlichen Grübchen geziert, ein glattrasiertes, aber bepudertes Kinn" (Roth, S.99).

Выводное знание сформулировано в резюмирующем высказывании, свидетельствующем о смене перспективы субъекта восприятия рефлексивной перспективой, содержащей не подлежащий сомнению итог проведенных рассказчиком наблюдений: *„..kein Zweifel, ich befand mich einem echten Mann von Welt gegenüber" (Roth, S.99).*

В этой фазе развития повествовательного дискурса обращает на себя внимание появление глагола scheinen («казаться»), становящегося своего рода концептуальным ключом к конструируемой автором альтернативной версии событий.

К изображению чувственного образа персонажа, кроме визуального образа, подключается кинестетический образ, выдающий внутреннее напряжение попутчика:

„Er schlug mit Grazie ein Bein über das andere. Sein Bein tippte einen gleichmassigen Takt auf den Boden, als summte eine Melodie selbständig in seinem Gehirn" (Roth, S.99).

Ситуация разрешается неожиданным образом, храп попутчика ночью и лишенный прежней привлекательности облик после сна разрушают прежний совершенный облик, вызывая возмущенную реакцию рассказчика: *„Ich war gekränkt, beleidigt, erbittert."* Изменение прагматического модуса с перцептивного на рефлексивный получает выражение в эволюции качественной характеристики знака субъекта ORIGO, вместе субъекта восприятия в «пустом знаке» Я, кроме субъекта речи, проявляется субъект рефлексии, эмоциональной и ра-

циональной, за эмоциональной реакцией следует системный вывод из проделанных наблюдений, свидетельствующий о мощи человеческой природы, которую не способны усмирить всевозможные ухищрения и попытки персонажа придать благообразие и благородство своему образу:

„Dieser Fall war ohne Zweifel eine boshafte Laune der Natur. Sie stattete einen mit allen Tugenden aus, mit einem dufterzeugenden Hirn, mit unverwüstlichen Bügelfalten, mit einem harten siegreichen Lächeln um Augen und Mund, mit männlich-mondäner Schönheit – und lockerte, während er ahnungslos schlief, und lockte das Allzumenschliche aus unbewussten Tiefen" (Roth, S.100).

Глагол „scheinen" (казаться) высвечивает ядро сконструированной автором альтернативной концептуальной схемы, отсылающей к базовым «модальностям существования» – „Sein und Schein" – «быть» и «казаться», ценностным понятиям, к которым явно апеллирует Й. Рот [Хабермас 1984: 94]. Стандартная ситуация встречи двух попутчиков в купе становится иллюстрацией иллюзорности и беспомощности человеческого тщеславия перед могучей природой.

Повествовательный дискурс, определяемый фигурой рассказчика в ходе реализации «прагматического измерения» повествования [Женетт 1998: 399], демонстрирует, как показывают наблюдения, разнообразие способов заполнения прагматической матрицы, переменными которой служат прагматические универсалии (универсальная прагматика включает в их корпус личные местоимения, дейксис и грамматикализации (время, модус), перформативы и грамматикализации (интеррогативы и императивы), модальные наречия и интенциональные глаголы [Хабермас1984:94]. В процессе «профилирования» альтернативной концептуальной схемы с целью создания когнитивного «контура» повествования система Origo определяет не только то, какие компоненты «сцены» будут представлены в создаваемой модели, но и как они будут реализованы в сети референций, матричную основу которой создают перцептивный или рефлексивный модусы.

Исследование акта рассказывания в рассказе Йозефа Рота свидетельствует о наличии следующих закономерностей в ходе конституирования повествования: а) акт рассказывания выполняет основную функцию в процессе конструирования изображаемой ситуации благодаря своей матричной организации; б) динамика перспективной структуры действия, оформленная способом представления ситуации (модусом), проявляет альтернативную концептуальную схему повествования, ее предназначение и смысл, модусы в этом процессе выполняют функцию регуляторов познавательного акта, в то время как сеть референций, созданная с участием прагматических универсалий,

управляет процессами рецепции: в) прагматический потенциал матрицы (системы координат ORIGO) получает оформление и завершение в процессе системного взаимодействия всех выбранных автором языковых средств, своего рода «швов», позволяющих совершиться переходу языка в организованную и подчиненную замыслу говорящего (пишущего) речь (дискурс).

Библиографический список

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Б: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ 1998.
2. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Эпизодические модели в обработке дискурса/ Язык. Познание. Коммуникация. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000, С.68-110.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16. М., 1985 - URL: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D0%BB%D1%8E%D0%B4_1.pdf (дата обращения 25.01.2025).
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000.
5. Женетт Ж. Вымысел и слог (Fictio et dictio) // Фигуры III. Работы по поэтике. Том 2. М.: Изд-во Сабашниковых., 1998. С.340-451.
6. Jürgen Habermas. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1984

Источники

1. Roth, Jürgen Eine Laune der Natur. - In: Heiteres Darüberstehen. Geschichten und Gedichte zum Vergnügen. Philipp Reclam jun. Stuttgart 1990 S. 98-101.

N.K. Danilova
(Russia, Samara)

PRAGMATIC MATRIX OF NARRATIVE

This article examines the linguistic processes that determine the "pragmatic mode" of language use in narrative discourse (the act of storytelling). The focus of the study is the functioning of linguistic means with pragmatic potential (pragmatic universals) in a matrix structure that serves as the basis for constructing an alternative conceptual narrative scheme.

Key words: *narrative discourse, pragmatic universals,*

pragmatic matrix, alternative conceptual scheme, German.

УДК 821.161.1

Д.С. Долгих
(Россия, Самара)

ГОРОД КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ПРОЗЕ СУХБАТА АФЛАТУНИ

Статья посвящена анализу города как культурного кода в прозе Сухбата Афлатуни. В качестве культурного кода рассматривается Ташкент. Анализируются ключевые механизмы художественной репрезентации культурной памяти города, особенности изображения многонационального пространства Ташкента, а также способы взаимодействия исторического, бытового и мифологического пластов повествования в прозе писателя. Особое внимание уделяется системе образов, мотивов и символов, формирующих уникальный код Ташкента. Делается вывод о том, что Ташкент в прозе Сухбата Афлатуни выступает не только местом действия, но и культурным палимпсестом, сохраняющим память о советском и постсоветском прошлом.

Ключевые слова: *Сухбат Афлатуни, ташкентский текст, культурный код, городской текст, постсоветская литература, культурная память, мифопоэтика.*

Сегодня русскоязычная проза все чаще стали интересуется местными культурными особенностями, а именно тем, как город хранит в себе историю и определяет нашу принадлежность к нации [Эпштейн 2005]. Поэтому так важно стало понятие «городского текста», о котором уже давно говорят наши литературоведы, применяя его к Санкт-Петербургу, Москве и другим знаковым местам [Лотман 1992; Топоров 2003; Хализев 2004]. В последние годы ученые все больше изучают такие «городские тексты» разных регионов и даже окраин, где особенно видно, как смешиваются разные культуры, языки и времена. «Ташкентский текст» – один из таких примеров, и мы видим его в произведениях Сухбата Афлатуни.

Сухбат Афлатуни – творческий псевдоним автора современной прозы Евгения Викторовича Абдуллаева, который переводится с арабского как «Диалоги Платона» или «Беседы с Платоном», – философа, литературоведа и эссеиста, чье творчество тесно связано с культурой Узбекистана [Абдуллаев 2019: 112]. В его рассказах и повестях «Глиняные буквы, плывущие яблоки» (2006), «Проснуться в Таш-